

О РОССИЙСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ*

М.БУРНО**

Россия – громадная и по-своему духовно сложная страна – между идеалистически-интеллектуальным Западом и идеалистически-чувственным Востоком. Страна со своей – загадочной для иностранцев – душой. Особенности российского духа известны миру из произведений, прежде всего, Достоевского, Толстого, Чехова, Андрея Платонова. Это обломовская неспособность решительно действовать, мечтательность-непрактичность, склонность к глубокому, сложному, но чаще все же – именно к реалистически-материалистическому психологическому анализу. Анализу тревожному, сомневающемуся, с земным, сердечным сочувствием, состраданием к бедным, униженным, страдающим людям. С выразительным стремлением к общественной пользе и общественной самоотверженностью, согласимся, не сравнимыми с чем-либо подобным в других странах. Эти свойства особенно сильно выражены у многих типичных российских интеллигентов. Не интеллектуалов, а интеллигентов. Не только русских по крови, но вообще российских – по своей Родине России. Мы, россияне, особенно учившиеся в советской школе, хорошо помним эти имена. Прежде всего, это – пострадавшие за защиту от царя измученных крепостных крестьян дворяне-декабристы, потом Герцен и Огарев с их добрым философским материализмом, глубоким самоотверженным сочувствием народу, с их эмигрантской газетой “Колокол”. Вот места из эмигрантского стихотворения Огарева “Коршу” (1856).

Я помню смрад курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили там мои рабы.
Стоял мужик пугливо-томный,
Возилась баба у печи

---

* В основе этой работы – ключевая лекция “Психотерапия в России”, прочитанная на 3-ем Всемирном конгрессе по психотерапии в Вене 17 июля 2002 г.

** **Бурно** Марк Евгеньевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии Российской медицинской академии последипломного образования, вице-президент Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги (Москва).

И ставила пустые щи,
 Ребенок в масляной шубенке,
 Крича, жевал ломоть сухой,
 Спала свинья близ коровенки,
 Окружена своей семьей.
 Стуча в окно порой обычной,
 На барщину десятский звал,
 Спине послушной и привычной
 Без нужды розгой угрожал.

И еще из этого же стихотворения.

И вижу я: у двери кабака,
 Единого приюта бедняка,
 Пред мужем пьяным совершенно
 Полуодетая жена
 В слезах, бледна, изнурена,
 Стоит коленопреклоненна
 И молит, чтобы шел домой,
 Чтоб ради всей щедроты неба
 Сберег бы грош последний свой,
 Голодным детям дал бы хлеба.

Радищев, Белинский, Добролюбов, Пушкин, Баратынский, Некрасов, Чернышевский, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Успенский, Гончаров, А.Островский, Салтыков-Щедрин, А.К.Толстой, Л.Толстой, Чехов, Горький, Куприн... “Станционный смотритель” Пушкина, “Шинель” Гоголя, “Железная дорога” Некрасова, “Ванька” Чехова... Это все – наше родное, российски-самобытное, необычное для других культур, и это все – одухотворенно-реалистическое сострадание к страдающим. Это то, что называется *дефензивностью* (переживанием своей неполноценности), в противовес уверенной в себе агрессивности. Это одухотворенно-реалистическое сострадание отчетливо обнаруживается именно как наша духовная особенность не только в классической русской поэзии и прозе, но и в реалистической живописи (например, в картинах художников-передвижников), в русской философии, в русской клинической медицине. У нас не было классической мощно-интеллектуальной идеалистической философии Канта и Гегеля. Не было и экзистенциально-поднебесных вершин ясперсовской и хайдеггеровской философии. Русская экзистенциально-религиозная философия, например, философия Соловьева, Флоренского, Булгакова, Бердяева, Франка, – это все же другое. Другое – своей наполненностью теплым, светлым духом и просвечивающим стремлением к общественной пользе. У нас была, еще более общественная, классическая материалистическая фи-

лософия Белинского, Добролюбова, Герцена, Чернышевского, Плеханова. Благодаря своей сердечности, образности философия наша вошла и растворилась в нашей художественной культуре.

Мариэтта Шагинян (1888-1982), образованнейшая русская писательница, много лет путешествовавшая “по морям и странам” (ее словами), удивляется особой совестливости русского интеллигента. “Словно в чем-то перед кем-то виноват классический русский интеллигент, – пишет Шагинян, вспоминая “гениальные страницы П.Лаврова”, – а ведь он стоит подчас в продувном пальтишке, с двугривенным в кармане, на ветру, не знает, где пообедает, – но смотрит на переходящего улицу старика, на жмущуюся к стенке проститутку с глубоким чувством вины перед ними. Вина человеческой совести – чего-то непонятного внутри нас – перед человечеством, перед убожеством жизни, перед тяжким, беспросветным трудом, перед “малыми сими”, хотя сам ты устроен, может быть, хуже тех, кого жалеешь сейчас острой, пронизывающей, виноватой жалостью. Я не встречала таких интеллигентов на Западе” (Шагинян, 1971).

Естественно, что указанные душевные свойства российской интеллигенции воспитывали в народе активное сочувствие к маленькому, униженному человеку, даже к хмельному мечтательно-непрактичному ленивому работнику-бедняку, – воспитывали революционные настроения. Как это ни печально, все это поспособствовало революционным зверствам и социалистическому тоталитаризму. Так вот все сложно в жизни.

Но вот произошла Октябрьская революция, наступила духовная большевистская несвобода. И, тем не менее, снова сострадание к страдающим людям и животным, это человеческое, российское, стало, по возможности, самоотверженно, более или менее отчетливо, проступать в советской духовной культуре, строго управляемой идеологическими начальниками. Я думаю сейчас о наших самых человеческих, совестливых поэтах, писателях и живописцах советского времени. К примеру, это такие поэты и писатели, как Есенин, Платонов, Гроссман, Константин Воробьев, Айтматов, Окуджава, Юрий Казаков, Шварц, Астафьев, Распутин, Солженицын, Шаламов; такие живописцы, как Попков, Пластов, Пименов, Ромадин и даже тоскливо-полифонические Филонов и Константин Васильев.

Душевные свойства типичных российских интеллигентов существенно повлияли и на развитие психотерапии в России по той простой причине, что в психотерапию в России, по большей части, тянулись и тянутся именно интеллигенты. Психотерапия в России – это, прежде всего, психиатрическая психотерапия, а крупные российские психиатры, занимавшиеся психотерапией или не равнодушные к психотерапии, согласимся, были истинными интеллигентами: Саблер, Малиновский, Балинский, Корсаков, Суханов,

Токарский, Ганнушкин, Каннабих, Консторум, Жислин, Сухарева, Мелехов.

Оставляю сейчас в стороне в основе своей более или менее техническую психотерапию – *Внушение, Гипноз, Тренировочные, поведенческие приемы* и т.п. Все это и в Европе, и в России развивалось примерно равномерно. В Европе Бернгейм, Форель, у нас Бехтерев, Канторович, Свядош. Речь сейчас идет о нашей одухотворенно-личностной психотерапии. Здесь психотерапевт целебно входит в личность пациента своею личностью. Личностная психотерапия всегда несет в себе отчетливые национально-психологические особенности народа и его углубленно-размышляющих представителей – интеллектуалов (в России – интеллигентов). Ее основоположники в России – соматолог-психотерапевт Александр Иванович Яроцкий (1866-1944) и психиатр-психотерапевт Семен Исидорович Консторум (1890-1950). Яроцкий психотерапевтическими беседами воспитывал у соматических пациентов целебное альтруистическое мироощущение, способность чувствовать красоту в самой скромной природе, охваченность общественными идеалами, стремлениями (*Арететерапия Яроцкого*). Он, одухотворенный материалист, был убежден в том, что человек живет столько времени, сколько несет в себе душевный свет альтруизма (*Яроцкий, 1908; 1917*). Консторум создал отечественную *Клиническую психиатрическую психотерапию*. Как и Эрнст Кречмер, он был естественнонаучно убежден в том, что лишь подробно изученная клиническая картина должна руководить психотерапевтом в его психотерапевтических воздействиях. Основным в психотерапии Консторум считал целительную для души активную жизнедеятельность – консторумская *Активирующая психотерапия* (*Консторум, 1930; 1962*). Эпикурейски-деятельный, он неустанно, требовательно и сердечно побуждал и пациентов к разнообразным занятиям и, прежде всего, к общественной пользе. Был убежден в том, что не столько слово, сколько активность, дело определяют светлое оптимистическое отношение к миру, убеждают пациентов в том, что они сильнее, значительнее, нежели о себе думают. В других случаях Консторум, не торопясь, душевно-остроумно разъяснял пациенту, почему его страхи пустые. Или психотерапевтически хмуро, но искренне сочувствовал горю пациента, вспоминая вслух и свое горе в прошлом (*Бурно, 2000, с.156-157, 651-667*).

Практический *Психоанализ* развивался у нас так же сравнительно вяловато, как и вся психотерапия, – даже в первой трети XX века, когда *Психоанализ* еще не был запрещен. Он и в ту пору нередко по-русски сочетался в психотерапевтической практике с *Гипнозом, Рациональной, Воспитательной терапией*. Причина этого, видимо, и здесь – в реалистически-тревожных, с переживанием своей неуверенности, неполноценности, особенностях российской души.

В сталинское время у нас еще не было психотерапевтических школ. Психотерапией занимались, как и прежде, лишь некоторые врачи. После смерти Сталина (1953) психотерапия оживилась. В 60-е годы сложилась московская школа *Гипноза* под руководством Владимира Евгеньевича Рожнова (1918-1998). В 80-е годы XX века под руководством Рожнова сформировалась и школа *Эмоционально-стрессовой* (“возвышающей” душу) психотерапии. Основа ее – работы Яроцкого, Селье. Московская психотерапия была в ту пору, в основном, клинической психотерапией. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 60-е годы XX века образовалась школа *Патогенетической психотерапии невротозов*. Так назвал Владимир Николаевич Мясищев (1893-1937) свой психоаналитический подход. Его спасло от идеологических критиков марксистское содержание. Позднее в Ленинграде стали заниматься и *Психологической групповой психотерапией* по примеру западных социалистических стран. Однако известная идеологическая скованность психотерапии оставалась практически до Горбачевской перестройки общества. Хорошо помню, что в начале 80-х довольно было подробно описать в статье психологически-сложные переживания пациента и выходящую за рамки внушения и прямолинейно-конкретного разъяснения психотерапевтическую работу с ним, как получал от рецензентов суровый упрек в том, что занимаюсь психоанализом. В 1985 году была узаконена специальность “психотерапия”. Психотерапевтов становилось все больше. И, сколько могу судить как старый преподаватель психотерапии, большинство из них оставались сердечными, сочувствующими своим пациентам. Они, может быть, более, чем другие врачи, хранили в себе дух старой российской интеллигенции.

С падением советской власти в российской психотерапии – полная свобода. Психотерапией стали широко заниматься психологи. Наши психотерапевты учатся на Западе. Западные преподаватели приезжают к нам. В России ныне наблюдается небывалое разнообразие методов психотерапии. Однако, привозная, западная психотерапия без основательной переделки трудно приспособляется к российской душе. Была, есть и тоже свободно развивается теперь наша исконная российская психотерапия, ощутимо помогающая многим, именно российским, пациентам и, особенно, российским интеллигентам. Сколько могу судить, такой психотерапии, во всяком случае, в сложившемся виде, больше нигде нет.

Что это за психотерапия?

Это традиционная для России *Клиническая психиатрическая психотерапия*. Она стала формироваться в начале XX века в немецко-российской клинической психиатрии и связана прежде всего с Эрнстом Кречмером (*Кречмер*, 1927; 1934; 1949). К середине XX века в Западной Европе *Клиническая психиатрическая психотерапия*, почти вся, ушла под волны

Психоанализа, вообще Психологической психотерапии. У нас же Клиническая психиатрическая психотерапия не только сохранилась в своих началах, но вполне сложилась за все же оберегающими ее от советской идеологии стенами клинической медицины. Она неотделима от клинической психиатрии и по-русски наполнена традиционным душевным теплом. Реалистической сердечности нашей психотерапии способствовало, может быть, и то, что мы довольно подробно изучали в средней школе в советское время дореволюционную русскую классику. Сегодняшняя *Клиническая психиатрическая психотерапия* – это наша самобытная психотерапия. Классические основы *Клинической психиатрической психотерапии* особенно подробно изложены в указанных выше работах Эрнста Кречмера и в работах нашего Консторума (1935; 1962). Даже, пожалуй, особенно – в работах Консторума. Российская *Клиническая психиатрическая психотерапия* духовно созвучна российской материалистической философии, психологической прозе, реалистической живописи. В нашей *Клинической психиатрической психотерапии* также царствуют психологический материализм, сердечное сочувствие страдающему, стремление к общественной пользе. *Клиническая психиатрическая психотерапия* видит, чувствует телесную основу, причину не только психопатологических симптомов, синдромов, но и самых сложных характерологических переживаний, еле уловимых движений духа. При этом клиницист-психотерапевт может быть глубоко одухотворен, как и психологически-реалистический писатель и врач Чехов. По-земному одухотворен. Телесность тут светится духом, как в картинах многих реалистических живописцев (таких, например, как Рембрандт, Рафаэль, Тропинин, Репин, Моне, Ренуар). Сквозь духовность просвечивает изначальная телесность. Дух и тело едины, при том, что психотерапевт чувствует природой своей первичность телесности в себе и в других. Клиническая картина для него – главнейшая живая карта психотерапевтических поисков. Потому что в ней рассказывается, как защищается от каких-либо вредоносных воздействий (внешних и внутренних) сама природа больного человека, развивающаяся по своим собственным законам. Из всего этого видно, как ей, природе, следует психотерапевтически помогать. Основоположник клинической медицины Гиппократ, как известно, полагал Природу главным врачом. Врач человеческий лишь разумно способствует Природе, постигая ее удивительную, но стихийную, и, значит, в известной мере несовершенную работу. *Клиническая психиатрическая психотерапия* способна оживить, привести в действие все известные заложенные в человеке психотерапевтические механизмы (суггестивный, групповой, когнитивный, аналитический, креативный и т.д.). Но – в клиническом преломлении: сообразно клинике, в достаточно строгой системе показаний и противопоказаний, с клинической (в том числе) оценкой те-

рапевтической эффективности и т.д. Полнокровно-задушевная российская *Клиническая психиатрическая психотерапия* отвечает особенностям души многих российских душевно-сложных пациентов. В тревожно-депрессивных хронических случаях с тягостным переживанием своей неполноценности она, например, помогает пациентам в разнообразном творческом самовыражении посылно-клинически изучить особенности природы своей души. Свои депрессивные, навязчивые, деперсонализационные расстройства, характерологические радикалы. Все это – для того, чтобы, опираясь на эти природные ориентиры, скорее обрести свои, собственные именно своей природе дороги в стойкое целебное творческое вдохновение, наполненное Любовью и Смыслом. *Клиническая психиатрическая психотерапия* предполагает в отношениях психотерапевта с пациентом не психоаналитическую нейтральность, не технику эмпатии Роджерса, а российское земное сочувствие, человеческое искреннее переживание за пациента. Это задушевное сочувствие может ощущаться, в том числе, и в российских гипнотических сеансах. Многим российским пациентам, например, не по душе гипноз Эриксона. Им хочется довериться доброму, чистому душой психотерапевту, попросить его целебно войти в их тревожную, растерянную душу и успокоить. Конкретными основательно разработанными подходами, методами современной российской *Клинической психиатрической психотерапии* являются: *российская клиническая гипносуггестивная терапия* (Бехтерев, Константин Платонов, Рожнов); *российская клиническая рационально-активирующая психотерапия* (Каннабих, Консторум, Завилянская, Колосов, Простомолотов); *российская клиническая поведенческая психотерапия* (Канторович, Свядош, Слуцкий, А.М.Бурно); *российская клиническая групповая психотерапия* (Н.В.Иванов, Либих, И.С.Павлов, Иванец и Игонин); *российская клинико-психоаналитическая психотерапия* (Каннабих, Свядош, Каравирт); *российская клиническая психотерапия, соединенная с разгрузочно-диетической терапией* (Полищук, Заиров, Гурвич, Бабенков); *российская клиническая терапия духовной культурой*, и, в том числе, *терапия творческим самовыражением* (Малиновский, Яроцкий, Лахтин, Г.И.Берштейн, Зиновьев, Воскресенская, Брусиловский, Вольперт, В.Е.Смирнов, М.Бурно, Гоголевич, Зуйкова, С.Некрасова, Махновская, Добролюбова).

Клиническую психиатрическую психотерапию увидим отчетливее, в сравнении с другими сегодняшними психотерапевтическими направлениями.

Клинической психиатрической психотерапии, в известной мере, близок своей одухотворенностью *Экзистенциальный психотерапевтический подход*. Его можно было бы мироощущенчески сравнить с живописью Бори-

сова-Мусатова, Нестерова, с поэзией Лермонтова, Тютчева, Анненского, Гумилева, Волошина, Ахматовой, Пастернака, прозой Пришвина, Паустовского. Здесь как бы сохранены земные формы, но подсвечены изначальностью духа. Так, кстати, подсвечены изначальностью духа и многие психопатологические симптомы (феномены) в описаниях Ясперса. Экзистенциальная психотерапия в российском (чаще религиозном) преломлении находит отклик у российских аутистических интеллигентных пациентов и клиентов, как нашли в них отклик русская религиозная философия и фильмы Андрея Тарковского. Это, например, *Психотерапия горя* (“*Пережить горе*”) Федора Василюка (Василюк, 1991) и православная, только внешне “хулиганская”, *Интенсивная терапевтическая жизнь* Александра Алексейчика (Алексейчик, 1999).

Дабы еще отчетливее высветить самобытную российскую *Клиническую психиатрическую психотерапию*, сравню ее и с *Психоанализом*. *Психоаналитический классический подход* своим сложно-символическим “интеллектуально-следовательским” мироощущением созвучен символической живописи, например, Петрова-Водкина, Кандинского, западному интеллектуальному философскому идеализму. Трудно поверить тому, что он широко распространится у нас. Если, конечно, не понимать под *Психоанализом*, как это нередко происходит сейчас в России, просто подробный, вполне реалистический клинический анализ душевных, личностных переживаний пациента. Однако в России уже достаточно эффективно работают наши самобытные преломления *Психоанализа*. Это – *Личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия невротиков Карвасарского, Исуриной, Ташлыкова* (1998), созданная на основе *Патогенетической психотерапии Мясничева* (Карвасарский {ред.}, 1998, с.231-239). Это – *Раскрывающая реконструктивная психотерапия больных малопрогредиентной шизофренией В.Вида* (1998) (Карвасарский {ред.}, там же, с.526-532). Это – *Российский клинический психоанализ Егорова* (2002).

Так же для более отчетливого высвечивания *Клинической психиатрической психотерапии* отмечу, что разнообразные старые и постмодернистские сугубо технические психотерапевтические приемы у нас весьма широко сейчас применяются для помощи пациентам и клиентам со сравнительно несложной душой.

Наконец, о сегодняшней новой российской психотерапии – о концепции *Мультимодальной интегративной российской психотерапии* Виктора Викторовича Макарова. Макаров, в созвучии с другими авторами, отмечает, что “менталитет людей в нашей стране”, выкованный тысячелетней российской историей, – не просто *русский*, а *русско-православный*, воспринимающий счастье сквозь страдания и несчастья. “В системе жизненных ценностей русского народа, – пишет Макаров, – *страданию* придается

благостный, нравственно очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяется общая душевная отзывчивость человека”. Россияне отличаются мифологичностью, сказочностью мышления, поисками идеала, верой в идеал и долготерпением, способностью долго жить в “воображаемом пространстве”. Вместе с этим “люди с российским менталитетом часто обладают повышенными творческими способностями”, но “воплощение технологий, требующее конкретного, четкого мышления, отработки всех деталей, ежедневного кропотливого труда, – это часто не наша стихия” (Макаров, 2000, с.75, 82-85). Мне все эти размышления, конечно же, близки, но Макаров рассказывает о “своеобразии российского менталитета” для того, чтобы предложить психотерапию, помогающую россиянам “в новых условиях нашего больного общества” благодатно измениться: “по-новому воспринимать реальность” и “жить в этом мире”. А это значит – приобрести “для достижения здоровья” то, чего не хватает у нас: “конкретное, четкое”, “гибкое”, “технологическое” мышление, “новые, эффективные стратегии поведения”, “активность, энтузиазм, оптимизм”, “ресурсные состояния” (там же, с.468-469). Для этого необходима новая психотерапия – *Мульти-модальная интегративная российская психотерапия*. Она не есть *Клиническая психиатрическая психотерапия*, а именно мультимодальная, мироощущенчески психологическая (в широком смысле), то есть не отправляющаяся от подробностей характера, клинической картины, дифференциальной диагностики, а интегрирующая в себе различные психотерапевтические механизмы в их, в основном, психологическом преломлении, хотя может применяться не только для клиентов, но и в психиатрии. И это, прежде всего, метод – *Восточная версия Транзактного анализа Виктора и Галины Макаровых*. Приветствуя эту новую по-молодому оптимистическую российскую психотерапию, продолжаю дышать *Клинической психиатрической психотерапией* и развиваться в ней. Да и Макаров утверждает: “Сложившаяся в советское время клиническая психотерапия и сегодня продолжает интенсивно развиваться” (Макаров, 2002, с.7).

Дело, конечно, в том, что в демократическом обществе естественно развитие бесконечно разнообразной психотерапии – и клинической (психиатрической), и психологической (в широком смысле). Этого требуют разнообразные душевные состояния людей России – больных и здоровых, нуждающихся в психотерапевтической помощи. И *Восточная версия Транзактного анализа* – прежде всего, для здоровых клиентов, а *Клиническая психиатрическая психотерапия* – прежде всего, для психиатрических пациентов и здоровых людей, которым легче психотерапевтически-диалектически найти и развить благодатные ценности в своих хронических душевных трудностях, изучая природу своей души, нежели счастливо перемениться душой в духе нового времени. Знаю из разговоров с

эмигрантами на Западе, что многие бывшие россияне именно там, среди напряженно-прагматической жизни, проникаются теплым чувством к теплой российской непрактичности, неуверенности, мечтательности, с которыми природно спаяны и другие, в том числе самобытно ценные особенности нашей души. Рассказывают, что старый М.Шагал, навестивший перед смертью свою родину, с трогательным душевным теплом опустил на колени перед поломанным забором в Переделкино.

Если бы новая психотерапия к нашей широкой российской неуверенной в себе талантливости прибавила бы еще высокий, массовый, уверенный в себе профессионализм-прагматизм!

В заключение отмечу, что мне бы хотелось, чтобы для стройности нашего представления о российской психотерапии авторы других известных российских психотерапевтических методов сами сообщили в печати о том, в каком поле российской психотерапии (может быть, еще не известном) им видятся свои методы. Эти методы суть, прежде всего, *Онтогенетически-ориентированная психотерапия Шевченко и Добриденя, Континуальная психотерапия Валентика и Дианализ Завьялова.*

ЛИТЕРАТУРА

- Алексейчик А.Е. Интенсивная терапевтическая жизнь // Независимый психиатрический журнал, 1999, № 1 (с.26-33), № 2 (с.45-51).*
- Бурно М.Е. Клиническая психотерапия. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2000. – 719 с.*
- Василюк Ф.Е. Пережить горе // О человеческом в человеке / Под ред. И.Т.Фролова. М.: Издат. полит. лит., 1991, с.230-247.*
- Егоров Б.Е. Российский клинический психоанализ – новая школа. М.: Академический Проект, ОППЛ; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 528 с.*
- Карвасарский Б.Д. (ред.). Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер Ком., 1998. – 752 с.*
- Консторум С.И. К постановке вопроса об активирующей терапии психоневрозов // Журн. невропатол. и психиатр., 1930, № 3, с.79-90.*
- Консторум С.И. Психотерапия шизофрении // Проблемы пограничной психиатрии / Под ред. Т.А.Гейера. М.-Л.: Госиздат биол. и медиц. лит., 1935, с.287-309.*
- Консторум С.И. Опыт практической психотерапии. М.: Минздрав РСФСР, 1962. 2-е изд. – 224 с.*
- Кречмер Э. Медицинская психология. Пер. с нем. М.: “Жизнь и знание”, 1927. – 352 с.*

- Макаров В.В. Психотерапия нового века. М.: Академический Проект, 2001. – 496 с.*
- Макаров В.В. Психотерапия в Российской Федерации // Профессиональная психотерап. газета, 2002, № 3(4) август, с.1, 3-11.*
- Шагинян М. “Человек и время. Воспоминания” // Новый мир, 1971, № 4, с.142.*
- Яроцкий А.И. Идеализм как физиологический фактор. Юрьев: Юрьевский Университет, 1908. 304 с.*
- Яроцкий А.И. О психотерапии при хронических внутренних болезнях // Русский Врач, 1917, № 25-28, с.433-444.*
- Kretschmer E. Der Aufbau der Persönlichkeit in der Psychotherapie // Z. ges. Neurol., 1934, Bd. 150, H.5, s.729-739.*
- Kretschmer E. Psychotherapeutische Studien. Thieme. Stuttgart, 1949. 207 s.*